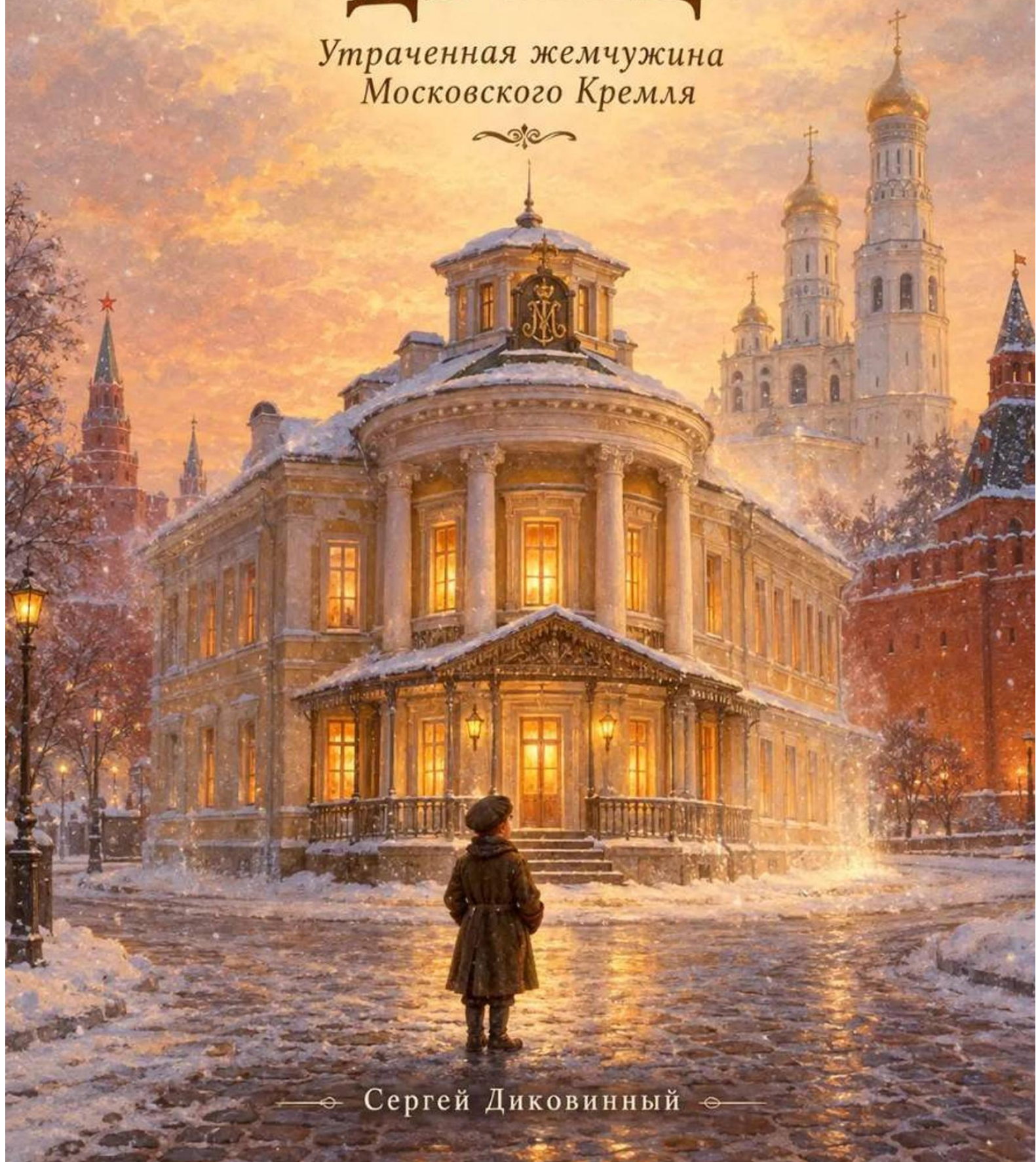

МАЛЫЙ НИКОЛАЕВСКИЙ ДВОРЕЦ

*Утраченная жемчужина
Московского Кремля*

— Сергей Диковинный —

Сергей Диковинный

Малый Николаевский дворец

«Автор»

2026

Диковинный С. В.

Малый Николаевский дворец / С. В. Диковинный — «Автор»,
2026

Он стоял на углу Ивановской площади между Спасской и Троицкой улицами — камерный дворец Матвея Казакова, построенный для митрополита Платона. Здесь родился Александр II Освободитель. Здесь жила императорская семья. В 1917 году стены дворца пробили снаряды, в 1929-м его разобрали по кирпичу — вместе с Чудовым и Вознесенским монастырями. Пять глав и эпилог о доме, которого больше нет. О времени, которое его не пощадило. И о фундаменте, который нашли под бетоном в 2016 году — и который до сих пор ждёт своего часа.

© Диковинный С. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Двор, где сходятся улицы	5
Глава 2. Мальчик, родившийся в Кремле	7
Глава 3. Дворец, в котором жила династия	9
Глава 4. Красный октябрь на Ивановской площади	11
Глава 5. Снос	13
Эпилог. Фундамент под газоном	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Сергей Диковинный

Малый Николаевский дворец

Глава 1. Двор, где сходятся улицы

Эта земля в Кремле — меж Спасской и Троицкой улицами, на углу Ивановской площади — никогда не пустовала. Она была обитаема задолго до того, как здесь появился дворец, которого сегодня нет. Ещё при великом князе Иване III, создателе красно-кирпичного Кремля, во второй половине XV века здесь стоял обширный двор его младшего брата — **Юрия Ивановича Дмитровского**. В этих палатах шумели пиры, спорили о землях, читали грамоты. Потом двор сменил хозяина. При Иване Грозном, в 1560-е годы, царь решил построить здесь двор для другого своего брата — **Юрия Васильевича**. Но брат пожил тут недолго. Уже в середине шестидесятых двор купил боярин **Иван Шереметев**, по прозвищу Большой. Ещё через пять лет появился новый владелец — боярин **Борис Иванович Морозов**. Некоторое время здесь располагался дворец **Алексея Шуйского** — младшего брата царя... Кто только не топтал эту кремлёвскую землю! Князья, бояре, царевы родственники, опальные и взысканные — все они оставляли в этих палатах свой след.

В 1677 году двор перешёл во владение **Чудова монастыря**. А по указу Синода 1744 года эта земля стала местом жительства **главы Московской епархии**. Так тихий кремлёвский уголок превратился в архиерейское подворье.

Но пришла беда. **Чумной бунт 1771 года** пронёсся по Москве огнём и смертью. Эпидемия чумы 1770–1772 годов — последняя крупная вспышка этой болезни в Европе — пришла в город из Северного Причерноморья во время русско-турецкой войны. Умирало больше тысячи человек в день. Власти терялись, порядок рассыпался, в воздухе висела паника. Непосредственным поводом к бунту стал запрет, наложенный московским архиепископом **Амвросием** на проведение молебнов у **Боголюбской иконы Божией Матери**, что стояла у Варварских ворот Китай-города. Амвросий хотел предотвратить массовое скопление народа — а толпе казалось, что у неё отнимают последнюю надежду. В ответ возмущённые горожане разграбили **Чудов и Донской монастыри**, убили архиепископа, после чего принялись громить бога-

тые дома, карантин, чумные больницы. В подавлении восстания участвовал генерал-поручик **Пётр Еропкин**. По его сообщениям, около ста человек было убито, триста тринадцать бунтовщиков арестованы, четверо казнены. Направленные из столицы войска под командованием графа **Григория Орлована** навести порядок в городе, а созданная им комиссия по борьбе с чумой помогла одолеть эпидемию.

Архиерейские хоромы в Кремле в те страшные дни сильно пострадали. Их надо было отстраивать заново.

И вот — **1775 год**. Новый глава Московской епархии, **митрополит Платон**, бывший придворный проповедник и учитель будущего императора Павла I, начинает строительство дома для себя. **Екатерина II** выделяет на постройку **сорок тысяч рублей**. Архитектором приглашают **Матвея Казакова** — лучшего московского зодчего той поры, человека, чьи руки чувствовали камень и пропорцию.

Казаков создал здание по последней моде своего времени. Двухэтажный дом в стиле **раннего классицизма**, решённый «глаголем» — то есть в форме буквы «Г», — с частичным использованием старых фундаментов. С восточной стороны — **полуротонда из четырёх колонн тосканского ордера**, увенчанная **бельведером с вензелем архиепископа**. В здании устроена домовая **церковь Петра и Павла**. Камерное, гармоничное, с иголочки — Архиерейский дом радовал глаз и достоинством, и сдержанной красотой.

Много лет здесь жили московские архипастыри, тихо и благолепно, как и подобает у стен Чудова монастыря. Казалось, что так будет долго. Казалось, что этот маленький дворец — навсегда.

Но история не знает слова «навсегда».

Глава 2. Мальчик, родившийся в Кремле

1812 год начался для Москвы как обычный. А закончился — пеплом.

Митрополит **Платон** умер в ноябре 1812-го, в самый разгар страшного года. Он не дожид до конца. Он не увидел, как армия Наполеона входит в Кремль, как французские солдаты разоряют кремлёвские палаты, как взрывается звонница Ивана Великого, как горит Москва. Архиерейский дом на Ивановской площади тоже пострадал тогда. Наполеоновские солдаты прошли по его залам, что-то вынесли, что-то сломали, что-то оставили после себя как след сапога на бархате. Дворец стоял осиротевший — без хозяина, без службы, без молитвы.

Пять лет — с 1812 по 1817 — он пустовал. И никто не знал, что с ним будет.

Но в **1817** году вышел указ императора **Александра I**. Дом перешёл в **Дворцовое управление**. И вскоре в нём поселился человек, имя которого эта земля запомнит навсегда, — великий князь **Николай Павлович**, будущий император **Николай I**.

Николай Павлович полюбил этот дом. Он сам выбрал его. Ему — молодому, высокому, строгому к себе и другим — этот камерный кремлёвский дворец пришёлся по сердцу больше пышных парадных резиденций. Здесь не надо было играть роль. Здесь можно было просто жить. Николай очень любил архитектурный шедевр **Матвея Казакова** — и старший брат, царствующий Александр I, выкупил здание у Чудова монастыря специально для него.

Дворец недавно пострадал от французов, но его быстро привели в порядок. И вот — молодая семья. Великий князь и его жена, великая княгиня **Александра Фёдоровна**. Тихие вечера. Свечи в окнах, отражающиеся в кремлёвской брусчатке. Колыбель в углу комнаты.

17 апреля 1818 года в этом доме произошло событие, о котором тогда не знал никто, кроме самой семьи. Родился сын. Мальчика назвали **Александром**. Тому, кто родился в этой скромной кремлёвской колыбели, суждено было войти в историю как **Александр II Освободитель** — император, отменивший крепостное право.

Пока он был просто младенцем. Он спал в тихой комнате, а над Кремлём плыл звон колоколов. Няньки ходили на цыпочках. Отец смотрел на сына долго и молча — как смотрят на что-то, чему ещё предстоит стать судьбой.

Этот дом был не просто дворцом. Он был колыбелью. Колыбелью целой эпохи, которая раскроется через сорок с лишним лет — манифестом 19 февраля 1861 года, освобождением двадцати трёх миллионов человек, словом, которое изменит Россию.

Николай Павлович любил приезжать сюда. Он был человеком военным — выправка, дисциплина, порядок. Но здесь, в Малом Николаевском дворце, что-то в нём смягчалось. Здесь он был мужем, отцом, сыном. Здесь Москва дышала на него иначе, чем Петербург.

Когда **Николай I** взошёл на престол, за этим дворцом окончательно закрепилось имя, которое он носит в истории до сих пор:

Малый Николаевский дворец.

Маленький. Камерный. Свой.

Он помнил голос младенца-Александра, звучавший в этих стенах. Он помнил шаги Николая — тяжёлые, уверенные, спускающиеся по каменной лестнице. Он был свидетелем тихой жизни императорской семьи — той жизни, которая так редко попадает в учебники, но именно она и есть настоящая история.

Дом стоял. Мальчик рос. Будущее приближалось.

Глава 3. Дворец, в котором жила династия

Дворец жил. Он не стоял застывшим памятником, как стоят музеи. В нём кипела жизнь — приглушённая, дворцовая, но живая.

1824 год. Здание подновили. Иначе оформили интерьеры залов и комнат. Надстроили третий этаж — деревянный, обложенный кирпичом. Дворец стал выше на одну ступень, но не потерял своей камерности. Он всё ещё был тем самым домом, где родился Александр.

Собственно название «**Малый Николаевский дворец**» появляется лишь после восшествия Николая I на престол — но теперь оно звучит твёрдо и определённо. Император любил останавливаться здесь во время своих частых приездов в первопрестольную столицу. Он входил в эти залы как в собственный дом, а не как в казённую резиденцию. Знал каждую скрипучую половицу, каждое окно, из которого видна Спасская башня.

Но время шло. Менялись вкусы, моды, требования. Менялись и хозяева.

1851 год. Начинается перестройка дворца по проекту **Константина Тона** — того самого зодчего, что построил Большой Кремлёвский дворец и храм Христа Спасителя. Тон — человек государственного размаха, но здесь, в Малом Николаевском, он работает бережно. Возводят двухэтажную пристройку с **башней в неорусском стиле**. А в ней устраивают диковину — **лифт**. Настоящий механический лифт, чудо техники середины XIX века. Представьте: по кремлёвской стене ходит человек в мундире, нажимает кнопку, и кабина поднимается вверх, к третьему этажу. Слуги шептались. Дети смотрели расширенными глазами. Император улыбался.

Перестройка была в разгаре. Но в **1855 году Николай I** умирает. На престол вступает его сын — **Александр II**, тот самый мальчик, что родился в этих стенах. И первое, что он делает с перестройкой отцовского дворца, — **останавливает её**.

Почему?

Мы не знаем точно. Но можно догадываться. Александр любил этот дом так же трепетно, как отец. Это была его колыбель. Здесь прошло его детство, здесь звучал голос матери, здесь он впервые увидел Кремль из окна. Возможно, он боялся, что новая пристройка убьёт что-то важное — то самое тихое, камерное, невозвратное.

Успели выстроить только **крыльцо с шатровым верхом**. Так оно и осталось — красивое, нарядное, чуть-чуть незавершённое. Как сама история России.

1874–1878 годы. Новая глава. Масштабная **реставрация** под руководством архитектора **Николая Шохина**. Шохин — человек осторожный и точный. Он работает не переделкой, а сохранением. Полностью обновляют внешний вид и внутренние покои, но так, что старый архитектурный облик здания остаётся неприкосновенным. Казаковские пропорции, тосканские колонны, бельведер с вензелем Платона — всё это живёт. А внутри — уникальное сочетание: **камерность и дворцовая пышность** в одном дыхании. Тёплые жилые комнаты. Парадные залы. Домовая церковь Петра и Павла. Малиновый бархат, золочёная лепнина, наборный паркет — и рядом тихие спальни, детские, кабинеты, где пахнет воском и старыми книгами.

Дворец теперь — **официальная резиденция императора и его семьи** во время пребывания в Москве. Сюда приезжают. Здесь живут. Здесь принимают решения. Здесь молятся в домовую церковь, где на клиросе поёт хор, а свечи горят у старинных образов.

И за стенами — целый мир. Кремлёвский квартал, в который Малый Николаевский вписан как родной. Рядом — **Чудов монастырь** с его древними храмами. Рядом — **Вознесенский монастырь**, основанный ещё в XIV веке. Между ними — церковь святого Алексия Митрополита, церковь Благовещения на Крутицком подворье. Плотная, тёплая, живая застройка, где каждый камень помнит что-то древнее. Здесь не просто стояли здания — здесь стояла **история Москвы**, собранная в один кремлёвский уголок. Спасская и Троицкая улицы пересекались, и на этом углу дышала сама русская старина.

Малый Николаевский дворец не был жемчужиной блеска. Он был **жемчужиной тишины**. Скромным звеном в великой цепи, без которого цепь распадалась.

Так он стоял. Так он жил. Так он ждал.

И никто, никто в этих тёплых залах не мог представить, что через несколько десятилетий стены этого дома услышат не музыку бала — а свист снаряда.

Глава 4. Красный октябрь на Ивановской площади

Осень 1917 года пришла в Москву тревожной, злой, неприкаянной. Город не знал, кому принадлежит. Власть валялась на мостовой, как оброненная монета, — и каждый наклонялся её поднять.

В конце октября в **Малом Николаевском дворце** обосновался штаб **юнкеров** — тех самых мальчигов в военных мундирах, что защищали **Комитет общественной безопасности**. Это были совсем молодые люди. Двадцать лет, восемнадцать, семнадцать. У них были красивые лица, аккуратно подстриженные усы, матери, которые писали им письма, и вера — пусть наивная, пусть обречённая, — что они защищают Россию. Они стояли на посту в залах, где когда-то играл младенец Александр. Их шаги гулко отдавались в камерных комнатах, помнивших тишину императорской семьи.

А напротив, на юго-западном склоне Таганского холма, на **Швивой горке**, где сегодня высится знаменитая сталинская высотка на Котельнической набережной, встали **два 48-линейных орудия**. Они были наведены прямо на Кремль. Прямо на Малый Николаевский дворец. Прямо на Спасские ворота.

Октябрьское вооружённое восстание шло несколько дней. Москва содрогалась. Артиллерийский гром раскатывался над рекой, отдавался эхом в Замоскворечье, влетал в кремлёвские храмы, где стояли люди и не знали, куда бежать. Орудия на Швивой горке били методично, точно, страшно. Красные снаряды рвали кремлёвские стены.

Малый Николаевский дворец получал удар за ударом. Громадные **сквозные пробоины** прорезали его стены. Внутри рушилось всё — перекрытия, лестницы, полы, обстановка. Там, где когда-то стояла колыбель будущего императора, теперь осыпалась штукатурка и стоял запах пороха. Там, где Шохин бережно реставрировал залы, теперь зияли рваные дыры.

Но самое страшное случилось с домовою **церковью Петра и Павла**. Снаряд пробил её насквозь. Митрополит **Нестор** оставил описание, от которого холодеет сердце:

«Снаружи видны громадные сквозные пробоины. Внутри тоже всё разрушено... Церковь пробита снарядом и разгромлена. Иконостас разбит, сотрясением взрывов распахнулись царские врата, и завеса церковная разорвана надвое. Отсюда расхищено много ценных икон».

Разорванная надвое церковная завеса. Царские врата, распахнувшиеся от взрывной волны. Иконостас — тот самый, что был установлен ещё при Казакове, — разбит на куски. Иконы, которые молились вместе с императорскими семьями, унесены расхитителями. Это была не просто утрата — это была рана, которую невозможно забинтовать.

6 июля 1918 года дворец снова пострадал — на этот раз во время обстрела Кремля **левыми эсерами**. Здание, ещё не оправившееся от октябрьских пробоин, получило новые.

А потом — тишина. Летом того же года по указанию **Ленина** дворец стали реконструировать. Не восстанавливать в прежнем виде, а приспособлять под новую жизнь. **1919 год.** В стенах Малого Николаевского дворца разместились **Первые московские советские пулемётные курсы**. В домово́й церкви Петра и Павла сначала устроили аудиторию — вместо молитвы теперь звучали лекции о тактике и устройстве пулемёта. Позже здесь открыли **художественные и скульптурные мастерские** клуба сотрудников ВЦИК. В том самом месте, где стоял иконостас Казакова, теперь пахло краской, гипсом и скипидаром.

Народный комиссариат просвещения попытался спасти иконостас. Писали письма, доказывали его художественную ценность, просили передать в музей. Но бумаги — слабое оружие против новой эпохи. **В 1923 году** иконостас **демонтировали**. Разобрали по доскам. Иконы, уцелевшие после расхищения, исчезли в неизвестном направлении.

Дворец стоял. Ещё стоял. Он был похож на человека, который пережил страшную болезнь и всё ещё держится на ногах — но знает, что конец близок.

Стены с пробоинами. Церковь без иконостаса. Залы, где маршируют курсанты. Коридоры, где никто больше не молится. Крыльцо с шатровым верхом — то самое, что когда-то было достроено наполовину, — теперь единственное, что осталось нетронутым. Оно стояло какого-то молчаливого свидетеля.

А над Кремлём висело новое время. Молчаливое, жестокое, беспощадное к прошлому. Ещё десять лет. Всего десять.

Глава 5. Снос

1929 год начался с писем.

Музейные работники писали их одно за другим — в Наркомат просвещения, в Совнарком, в ЦК. Они доказывали, что Малый Николаевский дворец — не просто старое здание, не «пережиток эпохи», а **высокая художественная ценность**. Что это работа **Матвея Казакова**. Что это редкий образец камерного классицизма. Что это фрагмент целого кремлёвского квартала, сложившегося за века и неразрывного в своём единстве. Что здесь родился **Александр II Освободитель**. Что здесь была церковь Петра и Павла. Что здесь — сама история России, собранная в один уголок Ивановской площади.

Писем было много. Толстых, тонких, аккуратно переписанных, с приложенными фотографиями, чертежами, описями. Художники, историки, реставраторы, архитекторы — все, кто понимал, что происходит, — пытались остановить то, что остановить было нельзя.

Ответа не было.

Или был — но такой, от которого становилось холодно. В Кремле должна была разместиться **Школа военного состава РККА**. Для неё требовался новый корпус. Малый Николаевский дворец стоял на том самом месте, где этот корпус предполагалось возвести. Вопрос был решён. Письма ничего не меняли.

Дворец разобрали.

Разобрали по кирпичу. По колонне. По бельведеру с вензелем митрополита Платона. По тем самым тосканским колоннам, что выточил Казаков. По полуротонде, по шатровому крыльцу, по стенам с пробоинами от октябрьских снарядов. По паркету, по лепнине, по всему, что ещё оставалось внутри. Аккуратно, методично, без спешки — так разбирают то, что уже неважно.

Бельведер с вензелем Платона сняли и разбили. Кирпичи свезли. Камни — те, что были свидетелями чумного бунта, наполеоновского разорения, рождения Александра, балов Николая I, тихой реставрации Шохина, артиллерийского обстрела, курсов, мастерских, — камни разошлись по свалкам.

Вместе с Малым Николаевским дворцом были снесены **Чудов и Вознесенский монастыри**. Два древних монастыря, стоявших рядом с XIV века. Вознесенский — основанный

Евдокией, женой Дмитрия Донского. Чудов — основанный митрополитом Алексием. Все кремлёвские храмы, что стояли между Спасской и Троицкой улицами, вся кремлёвская старина — всё это исчезло почти одновременно. Не отдельными ударами, а одним движением. Как стирают с листа бумаги карандашный рисунок.

Улица **Спасская** и улица **Троицкая**, что пересекались на этом углу, — больше не пересекались. Их просто не стало.

В **1932–1934** годах на расчищенном месте возвели **14-й корпус Кремля** — большое административное здание. По распространённой версии, автором проекта был **Иван Рерберг**. Некоторые исследователи приписывают авторство **Владимиру Апышкову**. Возможно, правду знали лишь те, кто составлял бумаги, — но и они уже молчали.

В корпусе разместились **Школа военного состава РККА**. Потом — **комендатура Кремля**. Потом — **секретариат Президиума Верховного Совета СССР**. Потом, после распада Союза, — **резервный кабинет и администрация президента**.

Здание стояло. Оно было крепкое, новое, функциональное. В нём работали люди, ходили по коридорам, решали государственные вопросы. Никто из них, наверное, не думал о том, что под фундаментом 14-го корпуса — **фундамент Малого Николаевского дворца**. Что под этими полами лежат камни, которые помнили Казакова. Что под этим местом — сама история, залитая бетоном.

На этом месте — на углу Ивановской площади, где когда-то пересекались Спасская и Троицкая улицы, — теперь ничего не напоминало о дворце. Ни камня, ни таблички, ни креста на месте церкви Петра и Павла.

Только память. Хрупкая, живая, никому не принадлежащая.

И она продолжала жить — в письмах музейных работников, в старых фотографиях, в воспоминаниях тех немногих, кто видел этот дворец своими глазами. В тех редких минутах, когда человек вдруг останавливался на Ивановской площади, смотрел на серый корпус — и вспоминал, что здесь когда-то стояло что-то совсем другое.

Что-то тихое. Камерное. Своё.

Эпилог. Фундамент под газоном

Прошло много лет. Почти век.

14-й корпус Кремля стоял на месте Малого Николаевского дворца и, казалось, стоял бы вечно. В нём работали, спорили, подписывали бумаги, проводили совещания. Поколение за поколением входило в его двери и не задумывалось о том, что под этими плитами — фундамент другой, давно исчезнувшей жизни.

Но в **2001 году** в помещениях начались ремонтные работы. С перерывами они тянулись до **2014 года**, когда было принято решение демонтировать постройку. И вот **весной 2016 года** 14-й корпус разобрали.

И тогда случилось то, чего никто не ждал.

Под зданием обнаружили **хорошо сохранившиеся фундаменты Малого Николаевского дворца**. Камни, уложенные ещё при митрополите Платоне. Кладка, помнившая Казакова. Основания стен, по которым когда-то ходил младенец Александр. То, что считалось утраченным навсегда, — оказалось живым. Оно просто было внизу, под бетоном, под фундаментом другого здания, под всей тяжестью прошедшего века. И уцелело.

Эта находка дала повод для дискуссий — тихих, осторожных, но настоящих. О возможности **воссоздания** дворца. О том, можно ли вернуть то, что было снесено в 1929 году. О том, стоит ли. Споры шли в статьях, в передачах, в разговорах на кухнях и в коридорах институтов. Единого ответа не было — и, наверное, не будет.

Но что-то всё-таки произошло.

Там, где стояли Чудов и Вознесенский монастыри, **открылся парк** — тихий, аккуратный, зелёный. В юго-восточной части современной Ивановской площади — там, где сто лет назад пересекались две древние кремлёвские улицы, **Спасская и Троицкая**, — теперь газон. И **стеклянные шурфы**, через которые можно увидеть фундаменты древних монастырей. Подземный **музей археологии Чудова монастыря**. Камни, лежащие в земле, стали снова видимыми — теперь их видно через стекло, под ногами.

Люди ходят по этой площади. Туристы фотографируют Спасскую башню, здание Сената, кремлёвскую стену. Дети бегут по дорожкам. Кто-то останавливается у шурфа, прижимает ладонь к стеклу и смотрит вниз. Под стеклом — кладка XVIII века. Под ней — земля, которая

помнит княжеский двор, боярские палаты, архиерейские хоромы, чумной бунт, наполеоновских солдат, колыбель Александра II, императорские приёмы, октябрьские снаряды, пулемётные курсы, мастерские, разбор, бетон, а теперь — снова тишину.

Сто лет назад здесь жил **Малый Николаевский дворец**. Он был не самым большим, не самым блестящим, не самым громким кремлёвским зданием. Он был камерным, тёплым, своим. И его больше нет.

Но фундамент жив.

И пока фундамент жив, остаётся вопрос — тихий, как молитва, и упрямый, как сама история: а может быть, однажды? Может быть, старый бельведер с вензелем Платона снова поднимется над Ивановской площадью? Может быть, тосканские колонны Казакова снова увидят кремлёвское небо? Может быть, на месте серого газана однажды забрезжит что-то знакомое — полуротонда, шатровое крыльцо, окна, где горит свеча?

Никто не знает. Может быть — да. Может быть — нет.

Но память — единственное, что не разбирается по кирпичу. Единственное, что нельзя снести, вывезти на свалку, залить бетоном. Память остаётся — в камнях, в стекле над шурфами, в ладони туриста, прижатой к холодной поверхности, за которой лежит тепло ушедшей жизни.

Кремль стоит. Ивановская площадь живёт. Га

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.